

„НЕПРОЧИТАННЫЯ“ ДУШИ.

(Изъ дѣйствительной жизни).

(Окончаніе). 1)

«Откройте ваше сердце сердцу солдата
и его сердце откроется навстрѣчу вашему».

М. Драгомировъ.

II. Николай Жуковъ.

Жогда въ числѣ 20 человекъ товарищей по набору Николая Жукова привели въ роту, всё въ одинъ голосъ рѣшили: японецъ!

Маленькій, подвижной, юркій, съ плотно остриженными жесткими черными волосами, бровями, сросшимися надъ переносицей, бѣгающими умными, точно прорѣзанными, глазами въ глубинѣ приподнятыхъ скулъ и смуглымъ цвѣтомъ кожи, — Жуковъ дѣйствительно напомнилъ своей наружностью дитя страны Восходящаго Солнца.

Однако онъ былъ русскимъ чистѣйшей воды, уроженцемъ Москвы, сыномъ неизвѣстнаго отца и мелкой торговли Хитрова рынка.

О жизни своей до службы въ столицѣ Жуковъ не любилъ говорить, но изъ отрывочныхъ воспоминаній, которыми онъ изрѣдка дѣлился съ земляками и сосѣдами по койкѣ, выяснялось, что жизнь эта была вообще не красна, что Жуковъ прошелъ тяжелую школу мальчика на побѣгушкахъ, а затѣмъ подмастерья большого столярнаго заведенія, еще съ дѣтскихъ лѣтъ узналъ вкусъ «казенки», а по 15-му году познакомился уже со всѣми сторонами пьянаго и разгульнаго существованія столичнаго «дна», исторически закрѣпившаго за собой наименованіе «Хитровки». Мать свою Жуковъ видѣлъ рѣдко. Днемъ за работой, ночью невѣдомо гдѣ, она урывками видѣлась съ сыномъ, который боязливо прижимался въ уголь, когда за перегородку вваливалась полупьяная оборванная женщина, нерѣдко въ крови и синякахъ, съ потокомъ брани падала на грудь тряпья, а утромъ хватала сына за голову и, обливаясь слезами, причитала:

— Ахъ ты, мой Николушка! И на что только родился ты на свѣтъ Божій!..

По 21-мъ году Николушку позвали въ участокъ, а осеннимъ туманнымъ утромъ нетрезвая компанія сотоваришей проводила его на вокзалъ желѣзной дороги съ гиканьемъ и пожеланіями вслѣдъ уходящему поѣзду.

Восьмая рота, въ которую назначенъ былъ Жуковъ, приняла его тепломъ своей свѣтлой, чистой казармы, порядкомъ аккуратно разставленныхъ коекъ и мебели, массою новыхъ для Жукова картинъ и предметовъ, развѣшенныхъ и разставленныхъ въ строгой симметріи. Ему понравилась обстановка, понравилась прочная, чистая, хотя и мѣшковатая, одежда, которую ему дали, опрятная приличная койка и хорошій супъ, которымъ его накормили.

Жуковъ даже повеселѣлъ, посмотрѣлся на себя въ зеркало, и отраженіе въ немъ произвело на Жукова, видимо, хорошее впечатлѣніе. Онъ даже позволилъ нѣкоторую вольность: когда вечеромъ фельдфебель внушительно говорилъ новобранцамъ о строгости требованій военной службы, Жуковъ, толкнувъ земляка, вполголоса замѣтилъ:

«Строго то строго, да и тутъ, вѣдь, люди живутъ!» На что фельдфебель сурово сказалъ:

— А ты, молчи, да слушай, какой разговорчивый!

Однако никто не поинтересовался, что Жуковъ разумѣлъ подъ выраженіемъ «люди живутъ» и каково было вообще представленіе его о возможности «жить» и поэтому никто конечно не могъ предвидѣть, что въ словахъ и понятіяхъ Жукова кроется роковой для него смыслъ.

Первые шаги въ новой жизни Жуковъ совершалъ, какъ и всѣ: съ большой осторожностью, боязливымъ чувствомъ и достаточнымъ стараніемъ.

О внутренней жизни его, его интересахъ, впечатлѣніяхъ никто Жукова не спрашивалъ, никто не заглянулъ въ его темную душу. не стремился прочесть хотя бы первыя ея страницы и Жуковъ былъ этимъ доволенъ.

Мрачное прошлое, котораго онъ, видимо, стыдился, оставалось загадкой для ближайшаго къ Жукову начальства, и жилъ онъ себѣ въ ротѣ никѣмъ не тревожимый, служилъ не хуже другихъ и ничѣмъ не выражалъ какихъ либо желаній, выходящихъ за предѣлы служебнаго обихода, а разспрашивать о какихъ либо иныхъ желаніяхъ въ 8-й ротѣ было не принято.

Жуковъ быстро освоился съ порядками въ ротѣ, недурно усваивалъ все, что касалось «словесности» и строевой подготовкн. а по стрѣльбѣ даже превосходилъ своихъ товарищей, отлично схватывая суть дѣла и обладая прекраснымъ зрѣніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ много наблюдалъ; наблюдалъ онъ людей, ихъ отношенія, присматривался, какъ выполняется служба въ отсутствіе начальства, но результатами своихъ наблюденій, по причинѣ замкнутости, не дѣлился ни съ кѣмъ. Учитель Жукова, его взводный и фельдфебель были имъ довольны, и жилось ему, повидимому, спокойно, сытно, уютно, тепло, но—никто не зналъ, чѣмъ нашъ «японецъ» неудовлетворенъ, чего жаждетъ его подорванный съ дѣтства организмъ, его больная душа, куда она рвется и чего ищетъ. А искала она только одного: воли, свободы, возможности вырваться послѣ часовъ занятій изъ рамокъ размѣренной, строго распределенной жизни, жизни бокъ-о-бокъ съ начальствомъ, хотя, собственно, дисциплина, какъ ее понималъ Жуковъ, т. е. строгость и требовательность, не стѣсняли его. Онъ съ дѣтства привыкъ въ старшемъ подмастерѣ, въ мастерѣ, въ старостѣ артели видѣть начальство и безпрекословно ему повиноваться, пока находишься въ работѣ, а самъ «хозяинъ» былъ для Жукова недосыгаемой величи-

ной, передъ которой онъ трепеталъ. Но зато, какъ только нога его, бывало, переступала за порогъ мастерской, такъ онъ чувствовалъ самъ себя начальствомъ надъ своей особой и даже не особенно почтительно проходилъ мимо постового городского, стоявшаго на углу. Шумъ города, суета улицы, разудалые звуки гармоникъ, лившіеся изъ дверей трактира, ярко освѣщенные окна всевозможныхъ «заведеній» — манили Жукова своимъ вѣчнымъ весельемъ, пьянымъ угаромъ и новизной происшествій, ежедневно происходившихъ въ этихъ притонахъ. А въ день получки, когда мастеровщина разворачивалась, что называется во всю, Жуковъ со всѣмъ пыломъ молодой, дикой, разнузданной натуры несъ въ трактиръ свои трудовые гроши и черезъ часъ времени приходилъ въ то состояніе, въ которомъ ему и самое море казалось по-колѣно.

Такъ шли дни, недѣли, годы... и вдругъ судьба поставила Жукова въ нормальныя, строгія рамки, изъ которыхъ выйти можно только съ увольнительнымъ знакомъ, явившись предварительно дежурному по ротѣ, при этомъ имѣть разрѣшеніе, быть опрятно одѣтымъ и, что всего удивительнѣе, возвратиться обратно къ 9 часамъ вечера, т. е. тогда, когда тамъ, въ «Золотомъ якорѣ» или «Полярной звѣздѣ», какъ разъ собирались «наши ребята» и начинался праздникъ разгула и свободы, какъ они ее понимали. Съ новымъ порядкомъ вещей Жуковъ мириться никакъ не могъ и, будучи буквально всѣмъ доволенъ, чувствовалъ себя какъ звѣрь въ клѣткѣ, по которой онъ толкается изъ угла въ уголь, тыкаясь носомъ въ желѣзную рѣшетку, не находя себѣ покоя. Занятія въ ротѣ кончились, чего-же, кажется, сидѣть то? Правда, учитель говорилъ, что въ свободное время солдатъ можетъ заниматься «своимъ дѣломъ», починкой, чисткой винтовки, письмами и т. п. Но амуниція у Жукова была исправна, винтовка протерта, а цѣннаго времени оставалось еще такъ много. Писемъ писать было некому; по прибытіи въ полкъ онъ «отписалъ» товарищамъ поклоны, и на этомъ переписка прекратилась. О томъ, что самый укладъ военной службы и весь распорядокъ требуютъ извѣстной точности въ распредѣленіи дня, что пища, отдыхъ, сонъ, работа, даже температура казармы и требованія чистоты установлены наукой, выработаны опытомъ и приноровлены къ здоровью солдата и его силамъ, что вся эта кажущаяся стѣсненность есть только нормально установленный строй жизни большой семьи, порядокъ, воспитывающій и дисциплинирующій ея членовъ,—обо всемъ этомъ никто въ ротѣ Жукову не

говорилъ и по душѣ никто съ нимъ на эту тему никогда не бесѣдовалъ. Слышалъ онъ только, что «это можно», а «этого нельзя», то «разрѣшается», а этого «не полагается», но почему, зачѣмъ, съ какой цѣлью и въ какой мѣрѣ—этого онъ не зналъ и потому разрѣшалъ эти вопросы по-своему.

Глядя на окружающую обстановку сквозь призму понятій Хитрова рынка, Жуковъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что это все только «для одной лишь строгости»; что военная служба, есть кабала, въ которой тяжело дышется человѣку, имѣющему неотъемлемое право на свободу, сущность коей, въ своеобразномъ представленіи Жукова, правильно понимали только въ «Трехъ Друзьяхъ» и «Золотомъ Якорѣ». А главное—Жукова неодолимо тянуло къ вину. Его испитое, желтое лицо носило явные признаки унаслѣдованнаго и благопріобрѣтеннаго алкоголизма; не было никакого сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи Жуковъ былъ субъектъ больной, требовавшій, кромѣ бесѣдъ по этому поводу, регулярнаго и продолжительнаго леченія. Однако, ни на первомъ медицинскомъ осмотрѣ, ни на прививкѣ оспы, полковой врачъ ничего не сдѣлалъ болѣе, какъ спросилъ.

— Вѣрно пьяница, а?

Итакъ, Жукова тинуло къ вину. Въ связи съ исканіемъ своей свободы, хотя бы на время, это приводило его къ сознанію, что другого выхода нѣтъ, какъ бѣжать. Бѣжать, собственно, со службы Жукову было некуда, да онъ и не имѣлъ этого въ виду, но бѣжать изъ роты, чтобы «отвести душу», онъ стремился и ждалъ только случая. Случай скоро представился и онъ бѣжалъ. Темною ночью подъ предлогомъ естественной надобности Жуковъ вышелъ во дворъ и, не нарушая покоя дневальнаго у воротъ, перемахнулъ черезъ заборъ въ сосѣднюю усадьбу, а оттуда на улицу и черезъ какихъ нибудь $\frac{1}{4}$ часа онъ сидѣлъ уже за столикомъ третьеразряднаго трактира, въ обществѣ нѣсколькихъ темныхъ представителей городского дна, которые къ этому времени появлялись въ ресторанахъ «Берлинъ», какъ громко называла этотъ вертепъ освѣщенная вывѣска.

«Душа отводилась». Уже первое жалованье, прихваченная съ собою новая смѣна бѣлья и пара сапогъ давно лежали подъ стойкой буфетчика; уже Жуковъ въ накинутой на плечи шинели и сбитой на затылокъ фуражкѣ плакалъ надъ столикомъ пьяными слезами, повѣряя двумъ какимъ то оборванцамъ исповѣдь своей боль-

ной души; уже тускло догорала грязная, закопченная висючая лампа, распространяя удушливый запах горѣлаго керосина, — когда ночной дозоръ, высланный отъ ближайшаго караула, сонно и медленно обходилъ переулки предмѣстья.

— Гляди-ко-сь, замѣтилъ ефрейторъ своему товарищу, оставившись у окна, неряшливо задернутаго красной занавѣской; что-й-то солдатъ никакъ... ну-ко-сь взойдемъ, а ты дверей не заворяй, а погоди меня тутъ маленько, на протоварѣ, — объяснилъ онъ рядовому и, гремя винтовкой, тяжело протиснулся въ дверь.

Жуковъ отдался безропотно. Будь онъ хоть немного трезвѣе, онъ бы, конечно, протестоваль. Но пьянъ онъ былъ, должно быть, достаточно, потому что, увидѣвъ солдата съ ружьемъ, не только не оказалъ сопротивленія, но напротивъ, еле подымая отяжелѣвшія вѣки и хватаясь руками, невнятно, съ искривленной улыбкой на блѣдномъ лицѣ, пробормоталь.

— А-а-а! с-с-солдатъ... с-с-солдатъ, ваше в-в-васк... бродь... а я с-с-солдатъ...

Проснулся Жуковъ утромъ на полковой гауптвахтѣ. Маленькая, тѣсная камера, рѣшетчатое окно — все это необычно для Жукова, который никогда еще въ жизни нигдѣ не «сидѣлъ». Онъ спустилъ съ койки босыя ноги, пожался отъ холода, который пробираль его по спинѣ, и, осмотрѣвшись кругомъ, сталъ припоминать вчерашнія событія. Тишина вокругъ нарушалась только шагами часового въ корридорѣ. Во рту у Жукова было нестерпимо горячо, его мучила жажда. А прошедшая ночь стола проходить въ угорѣвшей головѣ Жукова со всею безпощадной послѣдовательностью печальныхъ событій.

— Что же теперь будетъ? думаль онъ. На военной службѣ строго! Эхъ, Москва, Москва! вздохнулъ онъ, когда въ дверь постучались, послышался лязгъ ключей и въ камеру вошелъ ротный командиръ Жукова, въ сопровожденіи взводнаго.

— Ты что-жь это, мерзавецъ, такъ службу начинаешь?! загремѣлъ ротный, размахивая руками. Ты что-жь, думаешь, служба это тебѣ шутка?! а?! Гдѣ это ты нахлестался вчера, какъ свинья, а?! Гдѣ? А сапоги гдѣ? А бѣлье? Да ты знаешь, негодяй, что я тебя подъ судъ отдамъ за этакое дѣло!! Въ штрофованныхъ у меня будешь! Пьяница! Босыякъ! Я не позволю тебѣ тутъ конфузить нашу роту, дрянъ! оборванецъ! Я-жь тебѣ покажу, какъ удирать

изъ роты! погрозилъ ротный внушительнымъ кулакомъ передъ самой физиономіей Жукова и съ этими словами вышелъ! Дверь заперлась на замокъ, и Жуковъ снова остался одинъ посреди тишины.

— Да, оно конечно, что ротный правъ, потому, дѣйствительно, что не хорошо... только вотъ подъ судъ... говорилъ онъ земляку, который принесъ ему объѣдъ.

— А ты повинись, что ужъ тутъ... попробоваль усовѣщевать землякъ.

— Да тутъ виниться то нечего ужъ, говорилъ Жуковъ, все тебѣ ясно, ну выпилъ, велика-ль бѣда-то? А тутъ, вотъ, подъ судъ...

Жуковъ не на шутку боялся суда. Онъ готовъ былъ перенести какіе угодно побои, брань, лишеніе пищи, продолжительный арестъ, но судъ представлялся ему послѣдней стадіей въ колеблющейся жизни человѣка, послѣдней, такъ сказать, ступеню его паденія. Въ эти часы сидѣнія въ камерѣ, когда Жуковъ былъ вполне предоставленъ самому себѣ, оставался наединѣ со своими мрачными мыслями, онъ пробоваль углубиться въ сущность своего положенія и, обсуждая его со всѣхъ сторонъ, никакъ не подходилъ къ рѣшенію, что дѣяніе, имъ совершенное, есть крупный проступокъ, даже преступленіе, сопровождавшееся промотаніемъ казенныхъ вещей и самовольной отлучкой.

— Ну, отлучился,—на долго ли? разсуждалъ онъ. Опять же и съ вещами... ну, какъ нибудь отслужу, отработаю, изъ жалованья... не укралъ же я! Не замѣченъ, вѣдь, въ этомъ ни въ жисть, Боже избави... а тутъ, вотъ, подъ судъ...

Судьба на сей разъ сжалилась надъ Жуковымъ, и, отсидѣвъ семь сутокъ на хлѣбѣ и водѣ, онъ приведенъ былъ въ роту, гдѣ сопровождаемый косыми взглядами товарищей, упреками начальства и смѣшками земляковъ, Жуковъ прошелъ къ своей койкѣ. Она, эта койка, самая казарма, свѣтлая, чистая и теплая, опрятные, аккуратные люди, окружавшіе Жукова, показались ему теперь такими хорошими послѣ угарной ночи, дымнаго промозглаго воздуха трактира и тѣснаго, полутемнаго сырого карцера полковой гауптвахты.

Онъ былъ уже въ новыхъ сапогахъ, которые еще въ камеру швырнулъ ему ротный каптенармусъ, перемѣнилъ бѣлье, помылся и сталъ по образу и подобию походить на прежняго Жукова.

Это было передъ вечеромъ. Ложась спать, сосѣдь Жукова повѣдалъ ему вполголоса.

— Подъ судъ, сказываютъ, отдавалъ ротный... безпримѣнно, говорить, подъ судъ, такъ полка командиръ сказалъ: что съ его, молодого, возьмешь? Образумится! Пушай, говорить, въ подарестъ посидить, а чтобы подъ судъ—не стоять, стало быть... а что, вотъ, на счетъ сапогъ, такъ это выворачивать съ тебя, значить, будутъ...

На Жукова это извѣстiе произвело облегчающее, отрадное впечатлѣнiе и давившiя мысли его, обостренныя дотолѣ на мучившемъ его предметѣ, невольно расползлись по другимъ предметамъ; цѣня гуманность начальства и въ приливѣ благодарности къ нему, Жуковъ сказалъ земляку:

— Пожалѣли, стало быть... надо бы по службѣ постараться! Чай, пропустилъ много... Давеча, какъ обѣдъ приносили, сказывали, что ужъ много чего учили...

Недѣльное отсутствiе Жукова изъ роты не оказало, однако, влiянiя на успѣхъ его занятiй; сообразительность и усердiе, съ которыми онъ взялся за службу, превозмогли трудности пройденнаго, и черезъ 3—4 дня Жуковъ вошелъ въ свою колею.

Такъ проходили дни и недѣли. Мартъ на югѣ—предательскiй мѣсяць. Когда по лазореву нѣжному небу потянутся первыя вереницы журавлей и въ воздухѣ запахнетъ приближенiемъ сезона любви и поэтовъ—чья душа не рвется на просторъ полей и луговъ, въ оживающiя дубравы и рощи, гдѣ пернатый хоръ запѣлъ уже свою торжественную пѣснь весны, на берегъ пробуждающей рѣки, даже просто на свѣжiй воздухъ, хотя бы только улицы!

Рвалась на этотъ просторъ и душа Жукова, а къ тому же его снова и неудержимо потянуло къ вину. Онъ давно уже сгоралъ отъ своей несчастной страсти, онъ изстрадался уже по водкѣ, худѣлъ и хирѣлъ, весь дрожалъ, и казарма съ ея режимомъ становилась для него съ каждымъ днемъ ненавистнѣе.

Онъ сдѣлался раздражительнымъ и злобно, какъ звѣрекъ, поглядывалъ своими бѣгающими глазами вокругъ. Даже, когда учитель рассказывалъ что нибудь новенькое на занятiяхъ словесностью, Жуковъ слушалъ его не съ прежнимъ вниманiемъ и, угрюмо выслушивая замѣчанiя, еще плотнѣе сжималъ свои тонкiя губы.

Его раздражало все: вопросы товарищей, указанія учителя, врывавшіяся въ раскрытыя окна пѣсни весны, даже взводный другого взвода, сидѣвшій на подоконникѣ, послѣ повѣрки, съ устремленными вдаль грустными глазами, тихо напѣвавшій извѣстную Жукову: «Ахъ зачѣмъ эта ночь...» Не одну уже такую ночь Жуковъ проводилъ въ неподвижной позѣ, облокотившись на локоть, натянувъ до половины одѣяло, съ растегнутымъ воротомъ рубашки, забываясь такъ на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа, встрѣчая разсвѣтъ дико блуждающими, красными отъ бессонницы, глазами, съ осунувшимся потемнѣвшимъ лицомъ. А жажда вина, жажда, сжигавшая его внутренности, дѣлавшая его порою близкимъ къ безумію, тянула его, жгла и неумолимо сжимала его сердце.

На сей разъ Жуковъ бѣжалъ днемъ, когда онъ оставленъ былъ въ числѣ четырехъ человекъ для уборки столовой, находившейся при казармѣ другой роты, черезъ кварталъ отъ своей.

Быстро оцѣнивъ стоимость новой шинели, сапогъ и фуражки, содержатель одного изъ притоновъ, куда скрылся Жуковъ, согласился пріютить его у себя до наступленія темноты и вынесъ ему за занавѣску, въ заднюю комнату, полубутылку съ красной сургучной головкой.

Въ ротѣ хватились Жукова часа черезъ два, но разосланные на вокзалъ, пристань и въ разныя пивныя нижніе чины возвратились ни съ чѣмъ. Сообщили, какъ водится, въ полицію, доложили дежурному по полку.

— Просто бѣда мнѣ съ этимъ Жуковымъ, опять бѣжалъ!— говорилъ ротный командиръ своей женѣ, сидя за вечернимъ чаемъ, когда изъ роты дали знать, что Жукова найти нигдѣ не могли.— Ужъ на этотъ разъ, если вернется, буду просить о переводѣ его въ другую роту, а нѣтъ—такъ надо отдать его подъ судъ; съ этими гуманностями мы далеко не уйдемъ...

— Ну, Федя, ужъ и подъ судъ... Жаль, вѣдь, попробовала заступиться супруга, и какъ вообще неприятно, что Жуковъ сбѣжалъ; нашъ Петръ говорилъ мнѣ, что онъ хорошій столяръ, а намъ такъ бы надо передъ лагеремъ, кое что поправить...

— Ну, нѣтъ, матушка, только ужъ не Жукову этимъ заниматься; я уже теперь такой надзоръ учиню за нимъ въ ротѣ, что онъ мнѣ ни шагу со двора не сдѣлаетъ; я вовсе не намѣренъ возиться съ нимъ!

Только на третій день привели Жукова двое городовыхъ, кото-

рые случайно наткнулись на безчувственное тѣло его между штабелями досокъ на дровяной пристани. На немъ не было ни шинели, ни фуражки, ни сапогъ, ни даже верхней одежды. Въ одномъ бѣльѣ, совершенно осунувшійся и распухшій, грязный, избитый и блѣдный Жуковъ былъ снова водворенъ на гауптвахту и на сей разъ преданъ суду. Послѣдній совѣщался недолго. «Статья» гласила опредѣленно, «внутреннее убѣжденіе», ничѣмъ не колеблемое, было не въ пользу подсудимаго, и Жуковъ былъ приговоренъ къ трехнедѣльному аресту, съ переводомъ виновнаго въ разрядъ штрафованныхъ. Въ чемъ заключалось это новое состояніе, Жуковъ хорошо не зналъ, но самое названіе «штрафованный» разбудило въ Жуковѣ такое сильное искреннее чувство стыда, что, выйдя изъ зала засѣданія, онъ прислонился лбомъ къ стѣнѣ корридора и, закрывъ лицо руками, горько зарыдалъ. Онъ не помнилъ, чтобы ему взрослымъ приходилось плакать въ трезвомъ видѣ, но тутъ его больные нервы не выдержали и вся боль его измотанной души, всѣ чувства,—а они жили въ Жуковѣ гдѣ-то тамъ, глубоко, глубоко,—все вылилось въ эти искреннія слезы обиды и страданія. Но это были не послѣднія муки: «штрафованный»—это было первое слово, которое онъ услышалъ и въ ротѣ, когда пришелъ туда изъ суда; «штрафованнымъ» назвалъ его и ротный командиръ, давно его не видѣвшій; это же тяжкое оскорбительное слово Жукову пришлось слышать и послѣ, и много разъ еще, и во всѣхъ случаяхъ, когда имъ были недовольны и даже когда онъ бывалъ исправенъ.

— У-у! ты, штрафованный! гремѣлъ на него взводный.

— Вотъ тебѣ и штрафованный! одобрялъ фельдфебель, ставя четвертый крестикъ въ графу «по появляющейся».

Слово это жгло самолюбіе Жукова и било его по нервамъ, по сердцу.

Но—человѣкъ ко всему привыкаетъ, привыкъ и Жуковъ къ своему новому, позорному званію; а время между тѣмъ шло, къ нему меньше уже приставали, и жизнь понемногу налаживалась. Какъ-то, во время обѣда, Марья Васильевна снова сказала мужу:

— Ну, Федя, а я все-таки буду тебя просить прислать мнѣ столера и если ты боишься за Жукова, то пришли его съ кѣмъ нибудь... работы у насъ на 3—4 дня, а мы скоро останемся совсѣмъ безъ стульевъ и безъ буфета.

Федоръ Ивановичъ рѣдко противорѣчилъ супругѣ и, зная по опыту, чѣмъ это обыкновенно кончается, молча кивнулъ головой, а на другой день сказалъ фельдфебелю:

— Какъ бы мнѣ Жукова прислать, тамъ поправить надо кое-что, но только пришлите его съ товарищемъ... ну, и тотъ поможетъ тамъ что-нибудь...

Отъ мужа Марья Васильевна много слыхала о Жуковѣ и его художествахъ, но была очень удивлена, что такая маленькая, худенькая и жалкая фигурка могла причинять столько безпокойства ей супругу. Осмотрѣвъ мебель, Жуковъ перенесъ ее съ сопровождавшимъ его солдатомъ въ сарай, и къ вечеру Марья Васильевна уже не узнала своего буфета, который былъ отлично исправленъ, подклеенъ и блестящъ, какъ новенькій. Съ утра на другой день починка продолжалась. За буфетомъ послѣдовали стулья, за ними кушетка, карточный столъ и подставка для цвѣтовъ и т. д. Работалъ Жуковъ такъ быстро и добросовѣстно, что около полудня барыня позвала его въ кухню, дала ему двѣ большихъ горячихъ котлеты и собственноручно налила рюмку водки. Жуковъ сначала отказывался отъ угощенія, но глаза его вдругъ загорѣлись болѣзненнымъ блескомъ, дрожащими пальцами онъ жадно опрокинулъ рюмку въ ротъ и не успѣла Марья Васильевна отдернуть руку, какъ Жуковъ прильнулъ къ ней губами и крѣпко, истово поцѣловалъ.

— Что ты, что ты... я этого не люблю, строго сказала Марья Васильевна.

— Ахъ, барыня, барыня, какъ я вамъ благодаренъ, какъ благодаренъ, пробормоталъ Жуковъ и принялся закусывать.

День уже клонился къ вечеру, когда Жуковъ, покончивъ съ ночнымъ столикомъ и этажеркой, принесъ ихъ въ комнаты и доложилъ:

— Политурь, барыня, у меня не хватило; вы дозвольте я пойду купить, а то завтра я бы раненько началъ работу, а лавки-то заперты будутъ. Только, что я хотѣлъ просить Васъ, барыня...— онъ замялся.

— Что такое? спросила Марья Васильевна.

— Вы, барыня, прикажите, чтобы ужъ солдатъ-то не провожалъ меня... стыдно ужъ очень...

— А ты не убѣжишь? улыбнулась Марья Васильевна.

— Никакъ нѣтъ, барыня, не можетъ этого случиться...

Марья Васильевна вынесла Жукову три рубля и наставительно сказала:

«Пожалуйста-жъ, приходи скорѣе, а ты, обратилась она къ про-

вожатому, посиди здѣсь. Часы уже пробили 8, а Жуковъ все еще не возвращался. Марья Васильевна не на шутку волновалась, боясь сказать мужу причину своего смущенія. Она то и дѣло выходила въ кухню, поглядывала въ окна, нервно оборачивалась на каждый скрипъ входныхъ дверей... Было уже совсѣмъ темно, когда Жуковъ наконецъ пришелъ.

— Дорого, барыня, въ лавкахъ-то, объяснилъ онъ, такъ я на базаръ бѣгалъ...

Укладываясь спать, Жуковъ сказалъ сосѣду:

— Вотъ, душа, а не барыня, у нашего ротнаго... сама рюмочку поднесла... Въ городъ посылала—цѣльную трешницу повѣрила... безъ конвойца ходилъ... Скоро ужъ кончаю работу... вздохнулъ онъ.

Три дня спустя, Жуковъ окончилъ починку мебели у ротнаго и, получивъ отъ барыни пять рублей, пришелъ въ роту и доложилъ учителю, что онъ желаетъ видѣть фельдфебеля.

«Господинъ подпрапорщикъ, робко сказалъ Жуковъ, съ меня, вотъ, выворачиваютъ, тамъ, за шинель, сапоги, такъ вотъ 5 рублей... за работу получилъ...»

— А, ну, ну, старайся, похвалилъ его фельдфебель, деньги я представляю...

Жуковъ сталъ героемъ дня въ ротѣ. Къ нему подходили товарищи, оглядывали его съ такимъ видомъ, какъ разсматриваетъ публика только что спустившагося на землю авіатора, высказывали удивленіе его поступку съ деньгами, а взводный даже похлопалъ его покровительственно по плечу, говоря:

«Теперь же держись, смотри, а тамъ, гляди, и штрафъ съ тебя снимутъ».

Двѣ недѣли прошли незамѣтно. Цѣлые дни въ полѣ то на стрѣльбѣ, то на занятіяхъ, въ праздникъ—въ церкви, вечеромъ на прогулкѣ, на пѣсняхъ—время шло быстро, и полкъ собирался уже въ лагерь.

Какъ-то рано утромъ, растерянный дежурный по ротѣ поступался за перегородку къ фельдфебелю и торопливымъ, перепуганнымъ голосомъ доложилъ:

«Г. подпрапорщикъ, Жукова нѣтъ! Искали, искали, нигдѣ не могли найти... Койка пустая, дневальный у воротъ говорить: не видѣлъ, просто бѣда!»

Вечеромъ, однако, того же дня Жукова привели въ пьяномъ видѣ, какъ и въ прошлый разъ, на немъ было одно лишь бѣлье.

Черезъ нѣсколько дней полковой судъ приговорилъ Жукова за промотаніе казенныхъ вещей и «неисправимо дурное поведеніе» къ отдалѣ въ дисциплинарный баталіонъ на 1½ года.

Онъ угрюмо выслушалъ приговоръ и предложеніе «обжаловать его въ трехдневный срокъ», тихо и молча поплелся изъ залы суда и, не отвѣчая на вопросы товарищей-свидѣтелей, столпившихся въ коридорѣ, въ сопровожденіи конвойныхъ, вышелъ на улицу. Яркое весеннее солнце ударило въ глаза Жукову, онъ, шурясь, потянулъ въ себя запахъ зацвѣтающихъ акацій и свѣжей земли, мелькомъ взглянулъ на конвойныхъ и, низко наклонивъ свою плотно остриженную голову, надѣлъ фуражку и медленно покорно, не проронивъ ни звука, пошелъ на гауптвахту.

Поѣздъ, которымъ отправляли осужденныхъ въ дисциплинарный баталіонъ нижнихъ чиновъ гарнизона, отходилъ вечеромъ, накануне выѣзда полка въ лагерь.

Уставъ послѣ дневной укладки вещей, укупорки теплаго платья, посуды и прочаго, Марья Васильевна сказала мужу:

«Хочешь, проѣдимся трамваемъ на вокзалъ бросить письма? Такой чудный вечеръ, въ комнатахъ такъ душно...

Они пріѣхали уже ко 2-му звонку.

«А ты знаешь, сказалъ Федоръ Ивановичъ, сегодня, какъ разъ, отправляютъ твоего пріятеля—Жукова».

— Ахъ, Федя, мнѣ такъ грустно было узнать, что онъ осужденъ! Бѣдный! Можетъ быть, еслибъ его какъ-нибудь лечить или приласкать, поговорить съ нимъ, можетъ быть, онъ бы исправился.

«Ну, матушка, знаешь, съ каждымъ говорить, такъ это и языка не хватитъ, а лечить—это ужъ не служба, а богадѣльня! Да вотъ и онъ»...

По платформѣ проходила команда солдатъ, окруженныхъ конвоемъ; на лѣвомъ флангѣ, опустивъ глаза, шелъ Жуковъ.

«Прощай, Жуковъ!» громко сказалъ Федоръ Ивановичъ.

Жуковъ быстро вскинулъ голову, пристально посмотрѣлъ и дико, истерично, съ какою-то тоскою и болью крикнулъ:

— Барыня!!...

Съ этимъ словомъ онъ рванулся изъ рядовъ, повалился къ но-

гамъ Маріи Васильевны и, обвивъ ихъ руками, громко зарыдалъ... Конвойные отгѣснили его.

Федоръ Ивановичъ сердито взялъ подъ руку жену, и они пошли вдоль платформы. Третій звонокъ заставилъ вздрогнуть Марію Васильевну. Она оглянулась, прижимая къ губамъ платокъ, а поѣздъ уже двигался и уносилъ Жукова и его новыхъ товарищей.

Б. Б

